

Владимир
ВЫСОЦКИЙ:

От первого лица

Интерес к творческому наследию Владимира Высоцкого велик. Об этом свидетельствует и почта нашего журнала. Предлагаем вниманию читателей стенограмму выступления В. Высоцкого, подготовленную к печати главным инженером Куйбышевского областного студенческого отряда Сергеем Курт-Аджиевым. Текст дается на основе публикации в газете «Волжский комсомолец».

Я работаю в Московском театре на Таганке. Таганка — это замечательная площадка. На Таганке раньше была тюрьма, под нее даже Маяковский вел подкуп, чтобы освободить политкаторжан. Сейчас на ней театр, который завоевал большую популярность и любовь, и не только в Москве, а и вообще в Союзе, о нем сейчас много знают, даже за пределами нашей Родины. Вы знаете, к нам в театр просто невозможно попасть, люди стоят за билетами по ночам. И вот когда приходишь в театр утром и видишь, как зимой люди стояли целую ночь, чтобы посмотреть, понимаешь, что нельзя играть плохо, даже если ты устал или плохое настроение. Вот именно для этих людей у

нас играют артисты с полной отдачей, по-настоящему. Никогда не бывает так, чтобы вы остались равнодушными, поглядев наши спектакли. Это всегда яркое зрелище, на сцене всегда много движения, создается почти на каждом спектакле атмосфера доверия. Люди на сцене абсолютно уверены, что тех, кто сидит в зале, таким же образом беспокоит то, что происходит в этом мире и что произойдет на сцене. Вы либо будете волноваться, либо вам понравится, либо не понравится, но вы никогда не сможете откинуться на спинку стула, чтобы отдохнуть. Каждый наш спектакль решен в своей манере, все в едином образе, и в декорациях предыдущего спектакля никогда нельзя играть следующей. Если это драматическая поэма Есенина «Пугачев», то это громадный помост, плаха, два топора, цепи, полуголые тела. Мы в парусиновых брюках, босиком. Если это «Десять дней, которые потрясли мир», то это полностью оголенная стена, несколько экранов. В этом спектакле тридцать с лишним картин, все мы играем по пять—семь ролей одновременно.

Идеи, которые идут с на-

шей сцены, очень внятные и явные, потому что театр начался с Брехта, а Брехт был человеком, который любил, чтобы актер вдруг вышел из образа, подошел и стал разговаривать с публикой. У нас никогда нет, если можно так выразиться, полутонов, когда «что-то то, да не то». Нет, у нас все очень четко, внятно.

И потом, есть еще одна особенность в театре. Актер. Это вообще что? Это самая низшая ступенька театрального искусства. Сначала актер, потом над ним режиссер, потом автор, потом начальство, а он где-то там, внизу, получается. Так вот у нас с нашими актерами этого не происходит. Потому что все мы пытаемся делать еще что-то. Я пишу стихи, музыку, тексты. Хмельницкий и Васильев пишут музыку, кто-то пишет инсценировки.

Если вам скажут, что больше всего на нашем пути цветов или лавровых венков, славы, аплодисментов, криков «браво», — это все неправда, это все чушь. Вы видите, как на освещенной сцене в хороших декорациях выходят артисты, загримированные, напудренные, улыбаются, а «кухни» никто не видит, ведь мы работаем

с 9 часов. С десяти до трех у нас репетиция, а потом в половине седьмого явка на спектакль, и до вечера, так что десять часов в день отдай и не грехи. Вообще легких профессий не бывает. Задаром денег никому не платят, и правильно делают, а легкой может быть профессия, только когда ты ее любишь. Актеры должны любить свою профессию, просто обязаны, иначе они не смогут играть на сцене. Зритель видит, когда актеру надоело или не нравится, или он не получает удовольствия от того, что делает. Зритель моментально это засекает. Это так же, как воспитатель, если он не любит детей. Что это за воспитатель? Он будет детям подзатыльники раздавать — они и вырастут душегубами.

Сыграл я в этом театре очень много ролей. И среди них Гамлет. Мне очень повезло, потому что я сыграл Гамлета в том возрасте, в котором он написан у Шекспира. У нас в последнее время играют Гамлета или в «пионерском» возрасте, когда много сил физических, чтобы играть эту громадную роль, или наоборот — уже человеку на пенсию надо, он на ладан дышит, но говорят:

«Он все про эту жизнь понял — теперь может сыграть Гамлета». А Гамлету в прекрасной пьесе Шекспира около 30 лет.

В нашем театре эта роль требует очень большой отдачи сил и физических, и духовных. Это такие эпизоды, после которых невозможно просто дышать нормально. Я называю этот кусок «время монологов»: идет сцена с актерами, целый громадный монолог после актеров, потом сцена с Офелией, потом хоть на сцену не выходи — так это сложно. Выкладываешься каждый раз на пределе. Иногда кажется: нет, это в последний раз, больше не выдержу. Вечные проблемы добра и зла в таком очищенном виде, как они поставлены Шекспиром, звучат сегодня в нашем беспокойном мире особенно остро. Я бы хотел, чтобы зритель, встречающийся с Гамлетом в зале нашего театра, волновался, как и я, чтобы он понимал, как труден и драматичен путь к гармонии человеческих отношений. Я вообще целью своего творчества — в кино, в театре, в песне — ставлю человеческое волнение. Только оно может помочь духовному совершенствованию...

29 УК 1987

ЛЕСНАЯ ПРАЧЕШНИЦА
Г. Москва